

В. И. Немирович-Данченко

У океана

Жизнь на крайнем севере

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. И. Немирович-Данченко**
У океана: Жизнь на крайнем севере / В. И. Немирович-Данченко – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 468 с.

ISBN 978-5-517-96010-8

ISBN 978-5-517-96010-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВЪ ПУСТЫНЯХЪ.

I.

Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ закоулковъ Бѣломорскаго запада, испоконъ вѣку, чуть-ли не съ той поры, какъ здѣсь впервые появились дружины смѣлыхъ ушкуйниковъ, стоитъ небольшое селеніе, затерявшееся на пустынныхъ берегахъ моря, оглашаемыхъ лишь криками чаекъ, да жалобнымъ рыданіемъ гагаръ. Село ютится на крутомъ спускѣ гранитной горы, покрытой только чаклою травой, да жалкими березками, выступающими изъ черныхъ щелей и трещинъ дикаго камня. Крутомъ высятся такія-же крутыя вершины, обступившія небольшую губу, входъ въ которую загроможденъ рядомъ скалъ, зловѣще поднимающихся изъ-подъ воды, какъ острые зубы чудовищной челюсти. Кое-гдѣ на солнечномъ прищекѣ, куда не врывается сѣверный вѣтеръ, зеленѣютъ скудныя еловыя поросли, а на голыхъ маковкахъ отлогихъ холмовъ бѣлѣютъ тощія пажити. Еще старики помнятъ время, когда здѣсь водились олени, и рассказываютъ, какъ красиво и тонко обрисовывались ихъ граціозныя силуэты на темномъ фонѣ осенняго неба. Голодные волки и пули не менѣе голодныхъ промышленниковъ навели этихъ аборигеновъ поморья и толь-

ко среди безмолвныхъ пустырей сосѣдней Лапландіи еще живутъ они, оживляя ее прелестные пейзажи. Губа, которую мы назовемъ Камбальницей, вся была изрѣзана малыми, но глубокими бухтами, усѣяна островами, коргами, въ куй-погу ¹⁾ чернѣвшими изъ подъ воды. Берега кое-гдѣ отвѣсно обрушивались въ бухту и тутъ-же рядомъ бѣлѣли песчанья отмели, покрытыя обломками скаль, массаи сѣрыхъ ракушекъ, выброшенныхъ приливомъ, да мелкимъ плавникомъ, богъ-вѣсть откуда занесеннымъ бѣломорскими валами въ это безлѣсное захолустье. Въ ямкахъ песчаной отмели стояла вода. Въ ней билась неуспѣвшая выбраться въ море съ отливомъ мелкая сельдь или плоская, безобразная камбала, еще незамѣченная прожорливою чайкой. На заднемъ фонѣ этой губы едва-едва снѣгли, подернутыя сѣрватою дымкой, горы, за которыми въ неисходную глушь западали старыя чудскія тайги. Туда рѣдко заходитъ даже смѣлый охотникъ, зная, что въ сырыхъ и темныхъ логахъ чудскаго чернолѣсяа кишмя-кишатъ черныя и желтыя змѣи, рыщутъ голодные медвѣди, да цѣлыми стадами бродятъ волки. За то въ губѣ было спокойно и безмятежно. Отрѣзанная горами и утесами отъ вѣчно волнующагося бѣломорскаго простора, вода здѣсь неподвижна, какъ въ чашкѣ, прозрачна до того, что на глубинѣ двадцати сажень можно отличить испещренную черными пятнами жирную кумжу отъ ближайшей ея родственницы семги, широкій листъ темной водяной калусты отъ такой-же широкой камбалы, мелкую, случайно забравшуюся сюда треску отъ толстаго, пробирающагося въ рѣчку сига. Берега, каждую своею разщелиной, выступомъ, каждымъ листкомъ березы, отчетливо отражались въ свѣтломъ зеркалѣ губы, и посреди ея, заглянувъ внизъ и вида тамъ тѣ-же золотисто-жемчужныя облака, ту-же ясную голубую высь, тѣхъ-же быстролетныхъ чаекъ, можно было забыться и вообразить себя посреди безконеч-

¹⁾ *Куй-пога*—время малой воды между отливомъ и приливомъ.

наго простора неба, а не на утлой лодкѣ бѣломорскаго рыболова. Если-бы не рыбачьи карбасы, бороздившіе поверхность губы, если-бы не паруса ихъ, бѣлѣвшіе точно птичьи крылья, если-бы не мачты лодей ¹⁾ и шкунъ, стоявшихъ у берега, то эта глушь на всемъ своемъ пространствѣ казалась-бы безлюдной. Отсюда порою, словно оспаривая у чаекъ безпредѣльную высь лазурнаго неба, смѣло взвивалась туда могучая гѣсна полярнаго бойца-мурманщика ²⁾, въ которой, на зло окружающей бѣдности, слышится громкій вызовъ свободаго человѣческаго сердца всему, что давить и обездоливать его въ этомъ мертвомъ захолустѣ. Отдѣльно отъ села Малые-Луды, на небольшомъ островѣ, среди неожиданно разсосшихся елей, стояла убогая деревянная часовня, сколоченная изъ бревенъ поморомъ, обрѣвшимъ здѣсь спасеніе отъ бури, которая разбивъ у входа въ губу его судно и поглотивъ шесть человѣкъ матросовъ, выбросила его одного на ликій выступъ гранитнаго утеса. Часовня эта замѣняла для береговаго населенія церковь. Въ ней все было скудно и мрачно. Темные лики образовъ сурово смотрѣли съ потрескавшихся и покоробившихся досокъ, подъ ними висѣли яйца чаекъ, гагъ, гагаръ—убогія приношенія возвращавшихся съ промысла покрученниковъ. Но едва ли въ другихъ раззолоченныхъ храмахъ теплѣ звучали молитвы, жарче и искреннѣ лилися слезы?..

Теперь—въ концѣ марта—все здѣсь занесено снѣгомъ,—и село и горы, и острова! Самая губа не освободилась еще изъ-подъ льда; громадные ледяные припай ³⁾ окаймили и внѣшніе берега ея, далеко залегая въ бѣломорскую темь, по ко-

¹⁾ *Лодья*—большое палубное судно.

²⁾ *Мурманщикъ*—промышленщикъ на Мурманѣ. Мурманъ самая бойкая часть арктическаго промысловаго берега, простирающаяся отъ Святого Носа до границъ Норвегіи.

³⁾ *Припай*—леденая кайма, образуемая вдоль морскаго берега зимою.

торой съ глухимъ шумомъ носятъ стамухи ¹⁾). Но сѣверный вѣтеръ уже сдаль. Въ воздухѣ порою вѣть что то мягкое, бодрящее, ледъ кое гдѣ посинѣлъ и трескается, снѣговые сугробы громыхаютъ по ночамъ, да и ночи стали короче и солнышко подольше застываетъ на горизонтѣ и жарче льются его золотые лучи. Крикъ первой чайки послышался откуда-то издали и не остался незамѣченнымъ. Во всѣхъ избахъ давно идетъ торопливая работа: чинятъ снасти, готовятъ обувь и платье, пекутъ шаньги ²⁾, колобки ³⁾). Бабы и дѣвки тоскливо заглядываютъ на мужиковъ и парней, ссоръ меньше, все тихо, любовно; а какъ только первая стая чаекъ заблестала серебристо-бѣлыми крыльями надъ замерзнувшей губой, такъ и пошла вездѣ гулянка въ перемежку съ причитаньями и слезами.

Потянуло западнымъ вѣтромъ, вѣшнимъ и теплымъ шелонникомъ. И не одно сердце дрогнуло и не одни яркія очи наполнились слезами... Близилось время мурманскаго промисла, злое, разлучное для бабъ, непривольное для молодыхъ парней.

Позади села стояла жалкая избенка. Въ ней давно ужъ жила семья стараго новоземельскаго промышленника, который цѣною всѣхъ своихъ многотрудныхъ странствій не могъ добиться возможности достроить кровлю надъ жильемъ. И до сихъ поръ только нѣсколько баложекъ—основа будущей крыши—поднимались надъ избой, словно голыя ребра павшей и занесенной снѣгомъ лошади, мясо съ которыхъ содрано волками и расклевано вороньемъ. Здѣсь была та-же суматоха, что и повсюду. Старики снаряжали на промыселъ своего сына, красиваго и рослаго парня, сидѣвшаго на лавкѣ, низко понуря голову.

¹⁾ *Стамуха*—глыба льда, иногда имѣющая до 5 миль въ діаметрѣ, плавающая зимою по океану или Бѣлому морю.

²⁾ *Шаньга*—ватрушка изъ чернаго тѣста съ кашей или сметаной.

³⁾ *Колобокъ*—родъ поморскаго кренделя.

— Да... такъ-то... о Мостовиковской Наськѣ и думать тебѣ не стоить, брось! бормоталъ старикъ, вытягивая совикъ.

— Почему такому? повидимому, равнодушно отвѣтилъ паренъ, внимательно разглядывая бахилы ¹⁾ изъ перны.

— А потому, что у тебя вонъ крыша еще не готова.

— Ну?

— А у ейнаго отца—тыщи. Шестъ шнякъ на промыселъ сряжаетъ, двѣ шкуны. Ну, супротивъ такого капитала, чѣмъ ты себя оправдать можешь?

— Наська не посмотритъ!

— Въ дѣвку не вѣрь, у ней одна права хвостомъ вилять, у Наськи вашего брата еще не одинъ десятокъ перебиваетъ.

— Не бывать этому!

— Брось свою думушку, голубчикъ, вступилась старуха. — Брось! Мирѡдовъ этихъ хорошо я знаю. У нихъ счетъ на деньги идетъ. Не бывать Наськѣ за тобой. Вонъ у Мироновны погляди-ка дочку.

— У Мироновны дочка точно, что въ тѣлѣ. Съ ней хоть куда.

Перенъ молчалъ и только внимательно сталъ разсматривать бахилы.

— Ну, чтожъ? добивался старикъ.

— А то, что ежели Наська да за меня не пойдетъ, такъ легче мнѣ, ее шкуру, въ Камбальницѣ утопить, подлюю! Началъ было паренъ да вдругъ осѣлся, вскочивъ какъ обожженный.

Въ дверяхъ избы стояла высокая, красивая дѣвушка, лукаво глядѣвшая на парня. Широкою грудъ и стройный станъ ея плотно охватывала бѣличья душегрѣйка, изъ-подъ которой падала внизъ красная юбка поморскаго сарафана. На ея голову былъ наброшенъ платокъ; изъ-подъ него выбивались непокорныя, упругія косы, никакъ не свивавшіяся въ одну массу. Темно-сіяніе глаза словно смѣялись на полномъ, румяномъ лицѣ, смѣялись и алыя крупныя губы.

¹⁾ *Бахилы*—высокая обувь изъ перничьей кожи.

— Ну-ко, какой ты нонѣ злой, Андрей... Чтой-то это, за какую провинность ты топить меня собираешься?.. У-то-пинг?.. Ну, топн.—И она близко подошла къ нему. Жарь ея дыханья такъ и обдавалъ парня. Онъ изъ-подлобья сверкнулъ на нее черными, полными страсти глазами, и снова потупился. Только грудь всколыхнулась выше, да кровь кинулась въ его красивое лицо.—Что-жь не топишь?—Серебристый смѣхъ распался по горницѣ.—То-то погляжу я на парней нашихъ. На словахъ-то горазны, языкомъ что веслами работаютъ, а руки у нихъ плоче дѣвичьихъ.

— И утоплю, едва слышно пробормоталъ парень, опять сверкнувъ на нее острымъ взглядомъ.

— Отецъ къ тебѣ спосылалъ: старый коршикъ до полупромысла останется, а потомъ въ Норвегъ уйдетъ ¹⁾, такъ быть тебѣ послѣ него коршикомъ...

Старики ожили.

— Ну, Андрей, благодари Создателя. Я въ коршики на сороковомъ году попалъ, а тебѣ вонъ оно какъ...

Дѣвушка вышла, парень за ней. На улицѣ было скверно. Теплый, западный вѣтеръ несъ прямо въ лицо имъ не то какую-то сырую мразь, не то мягкій, тотчасъ-же таявшій снѣгъ.

— Настя, послышалось за ней. Она остановилась, не поворачиваясь къ нему.—Настя, можетъ и повидаться не придетъ. Море, сама знаешь,—измѣна лютая. Подохнешь гдѣ за камнемъ, либо волной сшибетъ въ пропасть.

— Чего-жь тебѣ?

— Чего! Сколько прошу тебя. Авось теперь придешь. Облюбились мы съ тобой, точно, а только до сихъ поръ ты и близко ко мнѣ не подойдешь, все дальше да прѣ людьми.

— А нешто мы въ церкви съ тобой повѣнчались ужъ? Ишь ты, скорый какой!

— Не говори ты, змѣя. У меня, можетъ, сердце отъ тоски

¹⁾ Норвегъ, Норгъ—Норвежскій берегъ.

рвется, радъ-бы въ пролубь отъ тебя, отъ лютой, уйтить! Пойми ты, волчиха: завтра уйду и не увидишь больше, можеть... Не шипи...

— Господь милостивъ.

— Кому милостивъ, а кому и грозень. Что-жь?

Она быстро обернулась къ нему; все лицо ея облилось яркимъ румянцемъ.

— Для кого я себя берегу, для кого?.. Для тебя вѣдь; чего-жь тебѣ еще? Срамнѣю взять хочешь, что-ли, ай тебѣ мало на горе мое гляючи тѣшиться?

— Приходи сегодня туда... знаешь.

Она молча глядѣла внизъ.

— Что же придешь-ли?

— Ладно жди!

И дѣвушка быстро юркнула въ ворота большого тесоваго дома.

Къ ночи подымалась мятель. Вѣтеръ рвался и стоналъ отъ ярости, словно хотѣлъ размѣтать это селенье, и бѣсился, то кидаясь въ узкую щель между двумя горными откосами, то стуча въ окна избъ, гдѣ все уже было темно и тихо, то стелясь по самой землѣ, точно притаившійся звѣрь, готовый кинуться на намѣченную жертву. Андрей пробирался по задворкамъ къ банѣ, стоявшей невдалекѣ отъ тесоваго дома. Наконецъ, онъ поднялся на ея ступеньки и осторожно пріотворилъ дверцу. Тамъ все было тихо. Сырая тьма пахнула на него. Онъ вошелъ. Тутъ было тепло... Ждать становилось не въ мочь. Что-то шелохнулось въ углу, пробѣжало мимо его ногъ и зашуршало у ближней стѣны. И опять тишина, подавляющая, гнетущая, мертвящая. Вотъ кто-то застучалъ по стѣнѣ, забился въ окно, глухимъ грохотомъ прокатился по крышѣ и съ долгимъ, унылымъ свистомъ замеръ гдѣ-то далеко, далеко... Жутко стало парню. Каждый звукъ метели тоскливымъ чувствомъ отзывался въ немъ.

Но вотъ сквозь стоны и завыванія вѣтра послышался мѣрный шорохъ. Ближе и ближе... Чьи-то шаги... вотъ съ пороножъ тавкенула собака. Другая отозвалась ей и снова все

замерло. Что-то шуршит у двери, щеколда звякнула — и въ одно мгновение Андрей на рукахъ внесъ дѣвушку къ лавкѣ.

— Милый ты мой, желанный, слышалось ему въ сырой, густѣющей тьмѣ. Чье-то лицо исвало его лица, чьи-то губы впились въ него, чьи-то руки сжимали ему шею. — Видишь самъ — пришла, аль еще змѣй бранить станешь?

— Стану, коль забудешь.

— У-то-пишь?

И тихій смѣхъ вызывающе прозвучалъ кругомъ, и теплая щека приняла къ его лицу.

— И, утоплю.

— Смотри, не забудь только ты меня.

— Ладно, у тебя парней сколько хочешь тутъ будетъ. Сама, поди, выберешь.

— Такого, какъ ты, не найти.

— Не вѣрю я вашему бабьему слову... Обманъ все. Отецъ заставитъ.

— Меня-то?

— А то кого. Пугнетъ, и пойдешь—за кого укажетъ.

— Не пужливая я... легче въ воду...

И опять молчаніе... А вѣтеръ еще пуще злился и билъ въ стѣны и окна бревенчатой клѣтушки, засыпалъ ее снѣгомъ и насвистывалъ кругомъ свою унылую однообразную пѣсню.

Они не слышали ее, не видали тьмы, ихъ окружавшей...

* * *

Ночь была сырая и теплая; утромъ сѣрый паръ окутывалъ всю губу, цѣпляясь по скаламъ вверхъ и залегая плотными слоями въ темныхъ трещинахъ, ущельяхъ и логахъ. Кое-гдѣ въ однообразномъ морѣ тумана мелькали верхушки елей и гребни утесовъ. Еще чайки ни оглашали мертвыхъ окрестностей своими рѣзкими криками, еще ни одна гагара не стонала въ мелколѣсѣй прибрежной низи, а ужъ по селу народъ про-

снулся и вездѣ кипѣла трудовая жизнь. Почти въ каждой избѣ слышались рыданія женщинъ; сами промышленники были молчаливы и мрачны предъ долгой, почти семимѣсячной, разлукой. Скоро все населеніе этого захолустья собралось передъ избой міроѣда. Наконецъ, вышелъ и самъ онъ — толстый, неповоротливый, съ окладистой сѣдой бородою, узкими, едва прорѣзанными глазами, хитро смотрѣвшими на лоснящемся румяномъ лицѣ.

— Ну, кормильцы, дай вамъ Богъ!.. Чтобы все, значить, тихо, смирно. Ловите рыбу. Я къ вамъ всей душой. Тутъ семьямъ помогу сдѣлаю. Слава Господу, хватить на это. А вы ужь поусердствуйте, рыбки побольше ловите; посередь лѣта изъ Норвеги и я къ вамъ приѣду; норвецаго рому привезу и всего прочаго. Будьте въ надеждѣ... Ловите рыбку только; въ становищѣ ¹⁾ муки да крупы будетъ не впроворотъ. Въ Колу этто я писалъ Базарному, онъ вамъ всего выдастъ. Кушайте на здоровье, да рыбку ловите... ловите... Богъ дастъ—хорошій промыселъ... А таперича въ часовню, кормильцы, помолимся Вседержителю, да крестъ поставимъ. Оно надежнѣй будетъ съ крестомъ да съ молитвой. Потому безъ Бога—никуда...

— Это вѣрно! загудѣла толпа. — Бабъ нашихъ не оставь ежели мучки, соли и чего прочаго — отпущай безъ сумленія, опослѣ промысла—разсчетъ. Старикамъ тоже...

— Чего тутъ, сказано—всѣмъ сердцемъ!

— Моему сынишкѣ въ Питеръ пошли три рублевика.

— Ладно.

— Ужь ты, ежели что случится, защити.

— Ну, братцы, Бога не забывай—въ часовню!

Вся толпа, съ женами, стариками и дѣтьми, отправилась по ледяному насту на каменную луду ²⁾, гдѣ посреди нѣсколь-

¹⁾ Становище — нѣсколько избъ разволочныхъ, выстроенныхъ въ глупинѣ бухтѣ, гдѣ производится промыслы; въ избахъ лѣтомъ живутъ промышленники, а зимою—никого.

²⁾ Луда — мель, прибрежная, каменная и довольно длинная. Маленькій голый островъ тоже иногда называютъ лудою.

нихъ елей стоялъ бревенчатый срубъ, крытый на два ската и увѣчаный крестомъ. Прикладывались къ образамъ, клали деньги въ стоящую тутъ-же тарелку, зажигали восковую свѣчу и послѣ двухъ или трехъ земныхъ поклоновъ выходили на площадку, гдѣ изъ бревенъ обтесывался крестъ. Дѣло шло съ молитвой, всякій старался хоть разъ ударить топоромъ, вполотять хотя одинъ гвоздь, чтобы часть и его труда была въ этой непритязательной жертвѣ. Наконецъ, крестъ былъ водруженъ на высотѣ холма, въ яму, вырытую въ промерзлой землѣ. Основаніе его обложили камнями, покурили на него ладаномъ, еще помолились и такой-же нестройной толпой вернулись назадъ, въ избу хозяина, гдѣ имъ была приготовлена незатѣйливая трапеза. Водка, ромъ, пироги съ палтусиной ¹⁾ и сельдями, уха изъ соленой трески, соленые сига, запеченные въ ржаную корку, шаньги съ пшеномъ и картофелемъ,— все это въ изобиліи предлагалось и покрученникамъ, и ихъ семьямъ. Разумѣется, и это было для нихъ валтазаровымъ пиромъ. Въ обыкновенное время поморъ ѣстъ вонючую, соленую сайду ²⁾ или пикшу ³⁾, хлѣбъ иногда съ сосною корою, да славу-богу если еще есть мороженая сельдь. Вся надежда на счастливый уловъ. Онъ прокормитъ семью зимой и дастъ возможность расквитаться съ долгами. Скудная почва не обезпечиваетъ помора. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водится земледѣліе, несмотря на сѣверное положеніе края, гдѣ ежегодно сѣется и собирается хлѣбъ — земля не можетъ прокормить своего работника. Пусть урожай будетъ хоть самъ шесть, пусть засуха не обрѣдитъ, морозъ не побьетъ, водополье не смоешь посѣва. Волость въ 1,500 душъ высѣетъ ячменя не больше 300 четвериковъ, а соберетъ его 1,500 четвериковъ.

¹⁾ *Палтусъ*—одна изъ важнѣйшихъ статей журманскаго промысла. Ловъ палтуса здѣсь даетъ ежегодно 80,000 р. Посоливъ, его возятъ въ Архангельскъ и другія мѣста. Отъ соли палтусина принимаетъ отвратительный запахъ. Свѣжая—это положительно вкуснѣйшая изъ рыбъ.

²⁾ ³⁾ Сайда и пивша тоже рыбы, ловащіяся въ Сѣверномъ океанѣ.